

УДК 94(574)

С. В. Горбунова
Нижевартовск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КАЗАХОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ СТЕПНОГО ФРОНТИРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы изменения образа казахов в российской общественно-политической мысли XIX в. Сложные отношения с казахами, которые, несмотря на формальное вхождение в состав Российской империи, представляли серьезную угрозу для русских приграничных жителей, обусловили первоначальное представление о казахах как об агрессивном и враждебном народе. Однако прекращение пограничных конфликтов и нападений казахов на казачьи поселения и пограничную линию, более близкое знакомство с казахами вытеснило враждебный образ «чужого» на более привлекательный образ «другого» – немного наивного и легкомысленного, но щедрого, гостеприимного, любознательного и добродушного народа. Завоевание Средней Азии поставило перед русской администрацией задачу инкорпорирования этого региона в состав Российской империи. Казахи стали рассматриваться как союзники, с помощью которых надеялись облегчить этот процесс. В образе казахов приоритетными становятся интеллектуальные способности («смышленость», «понятливость», «любопытность»), стремление к образованию, кажущаяся религиозная индифферентность («отсутствие косного фанатизма»), позитивные отношения к русским («расположенность к России») – черты, которые позволяли большинству представителей власти надеяться на сравнительно быструю инкорпорацию степняков в российский социум.

Ключевые слова: казахи; российская политика в отношении казахов; пограничные конфликты; «образ другого»; ислам; вестернизация; инкорпорация Средней Азии в состав Российской империи.

Сведения об авторе: Светлана Витальевна Горбунова, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628616, Россия, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 36, каб. 310; тел. 8(912)934-32-86, e-mail: s.v.gorbunova@mail.ru.

Присяга знати Младшего и Среднего жузов Анне Ивановне, положившая начало присоединения казахов к России, не привела к прекращению взаимных нападений, грабежей, убийств между степняками и русскими приграничными жителями. Правительство, придерживаясь политики невмешательства во внутренние дела казахов, ограничилось строительством линии укреплений. «Открылось зрелище ... едва ли виданное до тех пор на памяти истории, – писал В.В. Григорьев, – от новых подданных своих нашлись мы вынужденными ограждать себя линиями крепостей с многочисленными гарнизонами» (Григорьев 1874: 248). Но нападения, теперь уже на саму пограничную линию, продолжались. Похищения людей с целью продажи их в среднеазиатские ханства стали настоящим промыслом казахских барымтачей. В этих обстоятельствах казахи воспринимались отнюдь не в пасторальном образе мирных пастушеских племен. Поэтому представляется весьма далеким от истины утвержде-

ние, что образ диких и беспощадных разбойников был сформирован в результате слабой изученности Степи, в которой «путешественники ... испытывали чувство тревоги за свою судьбу, поскольку смутно представляли себе, что конкретно их ожидает» (Сухих 2007: 14). Достаточно сказать, что вглубь Степи без военного сопровождения не рисковали отправляться даже последние казахские ханы, не говоря уже о русских чиновниках. Не только индивидуальные путешествия, но и торговля были невозможны в тех условиях, и, разумеется, любой человек на границе должен был очень хорошо представлять, что его ожидает в случае ее пересечения.

Этим были обусловлены и в немногочисленных работах о казахах, и в ряде официальных документов XVIII – первой трети XIX вв. характеристики казахов как «буйного», «разбойничьего», «хищнического» народа (Спаский 1820; Броневский 1830а; Казахско-русские отношения 1964: 144–147 и др). Даже А.И. Левшин, первый профес-

сиональный исследователь Казахской степи, сосредоточился в основном на констатации воинственных и «хищнических» нравов казахов, описывая их алчными, необузданными, жестокими, мстительными, склонными к грабежу и обману (Левшин 1832: 74–75, 77–78, 81, 87).

Справедливости ради следует отметить, что никто из русских чиновников и офицеров не считал эти негативные качества этническими чертами казахов; все пороки представлялись следствием особенностей среды обитания и специфики кочевого производства. Более того, в 20-е гг. XIX в. в петербургской администрации наиболее популярной становится точка зрения, в соответствии с которой «неустройства и смятения» в Степи стали результатом действий местных российских властей, которые «по не искусству или малому усердию» не смогли управлять, «приноравливаясь к местным обстоятельствам» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 265 об.–266). Министерство иностранных дел рекомендовало оренбургским и омским властям «поступать ... с крайней осторожностью», поскольку «одно просвещение может смягчить нравы народа дикаго», а «благотворные последствия просвещения открываются весьма медленно» (АВПРИ. Ф. 161. СПб.ГА. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. II. Л. 250 об.)

Один из руководителей Азиатского департамента МИДа В.Ф. Тимковский был склонен считать нападения и грабежи казахов «возмездными поисками» для «оплаты и мщения за свои страдания» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 268). И если в XVIII – начале XIX вв. в официальных документах нередко встречается выражение «дикий народ» применительно к казахам, то после 1820 г. оно исчезает из деловой переписки, а «разбойничьими» и «хищническими» называются только «шайки», непосредственно участвовавшие в нападениях, или мятежники.

В условиях, когда вся имперская политика была направлена на умиротворение Степи, если речь и заходила об ассимиля-

ции казахов, то только в отдаленной исторической перспективе, тем более, что долгое время оставался нерешенным определяющий вопрос: признавать ли казахские жузы неотъемлемой составной частью империи и, соответственно, стремиться к их интеграции или продолжать считать их вассально-зависимыми и не вмешиваться во внутренние дела. Российские власти не испытывали иллюзий по поводу легкости не только ассимиляции, но и унификации управления. «Непостоянство и ветренность киргизского народа, соединясь с корыстолюбием, ... долго будут препятствовать введению посреди оного учреждений полезных», – писал тот же А.И. Левшин (Левшин 1832: 82). Едва ли не до середины XIX в. прослеживается официальная позиция, что казахи, «сохраняя пороки племен кочующих, сохраняют и их добродетели и, подобно всем другим, способны совершенствоваться» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 265 об.–266), но политика в отношении их должна строиться на «воспитании гражданственности» без вмешательства во внутренние дела (Материалы 1960: 251).

Необходимо, впрочем, отметить, что среди российской администрации была и другая точка зрения, сторонники которой считали необходимым как можно более тесное сближение казахов с русскими для «благоденствия народа». Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс разработал целую программу мероприятий, фактически направленных на ассимиляцию поволжских народов и казахов, считая, что «народам покоренным ... должно быть облегчено соединение с народом господствующим, к чему они будут стремиться для собственной выгоды» (ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3. Л. 30 об.).

Существенные изменения в представлениях о казахах происходят к середине XIX в., когда не только прекратились нападения на пограничную линию, но и затихли межродовые столкновения. Кроме того, объективные процессы сближения с казахами, их «узнавание» вытесняли образ

«чужого» неизвестного (и уже тем неприятного и даже пугающего) на более привлекательный образ «другого», но уже знакомого, в чертах которого находилось все больше и больше черт, вызывающих симпатию.

Перенос пограничной линии на рубежи со среднеазиатскими ханствами, а затем и завоевание Средней Азии завершило включение казахов в состав России. При завоевании Средней Азии казахи выступали проводниками, находили колодцы, обеспечивали разведку, управляли основным транспортом – верблюдами и даже участвовали в боях. Бывший образ «кочевого хищника» окончательно сменился образом добродушного, немного наивного и легкомысленного, но достаточно сметливого и любознательного союзника. Кочевник перестал восприниматься беспокойным барымтачем: «Прежняя баранта, составлявшая славу и удалство смельчаков, заменилась конокрадством, которое постепенно уменьшается в своих размерах под влиянием изменяющихся взглядов народа на это занятие, встречающее уже порицание. В общем, туземец – прост, добродушен, любознателен и понятлив. Убедившись, по опыту, что в знании – сила, он стремится к просвещению и хочет не отставать от русских, с которыми связан волею исторических судеб», – так описывал казахов старший советник Тургайского областного правления И.И. Крафт (в будущем – глава Якутской и Иркутской губерний) (Крафт 1900: 92).

Такое представление о степняках становится господствующим в общественно-политической мысли. Набеги кочевников становятся далеким прошлым и в сознании уральских и сибирских казаков и других бывших пограничных жителей, а тесное общение русских и казахов в процессе совместной производственной деятельности, торговли, обучения, проживания в одних и тех же городах, тамырство (личная дружба-сотрудничество между крестьянами-переселенцами и казахами-кочевниками) при-

водят к окончательному вытеснению негативного образа казахов.

В общественной мысли, да и в массовом сознании религиозно индифферентные в своем большинстве казахи стали восприниматься как наиболее благодатная среда для проведения ассимиляционных мероприятий. В дальнейшем предполагалось именно казахов сделать основными проводниками интеграционных процессов среди родственных им среднеазиатских народов.

Меняются и характеристики: вместо степного хищника создается вполне симпатичный образ добродушного, гостеприимного, открытого и несколько простоватого, но в то же время любознательного номада, который вполне готов принять и русскую власть, и легче всего поддается вестернизации. По словам известного востоковеда и одного из наиболее талантливых российских управленцев, ведавших отношениями с Младшим жузом, В.В. Григорьева, «нравственная природа кочевников так податлива, рассудок так свеж, что при благомысленно направленной деятельности правительства поймут они всякую меру на благо их принимающую, и очень легко могут сделаться полезными и преданными подданными России» (Веселовский 1887: 275).

Для приобщения казахов к числу «коренных подданных» России предлагалось использовать два основных пути: христианизацию, сторонники которой находились в явном меньшинстве, и распространение русского образования, которое поддерживалось и петербургскими, и местными властями. Следует отметить, что православное миссионерство среди казахов было фактически запрещено до 60-х гг. XIX в., чтобы не вызывать недовольство новых подданных (Горбунова 2008: 38–39). Только в последней трети Русская православная церковь начинает, хотя и очень слабо, вести миссионерскую работу в Степи. Убеждение в том, что казахи только «внешние исполнители закона и обряда мусульманского» и поэтому легко могут быть обращены в хри-

стианство, далеко не соответствовало действительности. Е. Елисеев, один из наиболее талантливых и успешных миссионеров, вспоминал, что перед назначением в Степь ему говорили: «Поживете среди киргиз два-три дня, и вы сами убедитесь в том, что проповедь можно начать со всяким встречным киргизом безбоязненно; где бы вы не беседовали с киргизами о вере, – все будут слушать вас с должным вниманием...» (Елисеев 1900: 5). Однако на практике он убедился в том, что внешняя религиозная индифферентность казахов вовсе не означала их готовности к отказу от ислама.

Большинство российских администраторов не возлагали особых надежд на христианизацию казахов и связывали их обрусение с их просвещением и европеизацией. В сложившихся в колониальную эпоху стереотипах представлений о взаимоотношениях Запада и Востока прогресс однозначно отождествлялся с вестернизацией. Традиционные институты восточных обществ, препятствующие вестернизации, рассматривались как главная препона на пути развития этих обществ, а наиболее устойчивой традицией признавалась религия.

Русская общественная мысль, за редкими исключениями, расценивала ислам как «религию отсталости». «Магометанство изжило себя», «Религия мусульманская – религия косности, недвижности. И поскольку она соприкасается с жизнью, она ее задерживает», – в этих высказываниях суммировалось преобладающее отношение русского общества к исламу. Даже среди ученых-востоковедов господствующим было представление о несовместимости прогресса и ислама.

Безграничная вера во всемогущество и универсальность западного опыта, западных ценностей и представлений была присуща и первым мусульманским интеллигентам в России. Это были мусульмане, получившие высшее образование, владевшие русским языком как родным и во многом принадлежавшие уже русской культуре. Среди них преобладали сначала офице-

ры (в основном, выходцы из знати), затем – учителя, ученые, врачи, журналисты. Эти люди, даже если и не принимали христианство, уже не были мусульманами. Как П. Чаадаев видел в православии причину отсталости России от «просвещенной Европы», так и первые мусульманские интеллигенты считали ислам препятствием для развития своих народов. Так, казахский султан и российский офицер, известный путешественник, географ и этнограф Ч.Ч. Валиханов доказывал, что «мусульманство и образованность – понятия не совместимые, даже враждебные, одно другое вытесняющие». «Учение Магомета не может быть очищено, как думают некоторые защитники ислама; в нем невозможна никакая реформация, – утверждал он. В работе «О мусульманстве в степи», написанной в 1862 г., Ч.Ч. Валиханов советовал русскому правительству для блага самих же казахов отказаться от покровительственной политики по отношению к исламу, который способен «только тормозить развитие мысли и чувств», и облегчить им принятие христианства (Валиханов 1985: 71–73).

Русское государство со времени Екатерины II проводило покровительственную по отношению к исламу политику, но эта политика была вызвана текущими интересами. Поскольку в исторической перспективе ислам считался не жизнеспособным, правительство не видело в нем какой-либо серьезной угрозы империи и православию, и чтобы «не раздражать» новых подданных, отказалось от давления. Как выше отмечалось, была фактически запрещена православная миссионерская деятельность среди мусульман, отменены все ограничения для отправления культа, сохранены и даже расширены привилегии исламского духовенства. Более того, среди казахов, сохранявших доисламские верования, проводилась политика «насаждения» ислама. Во второй половине XIX в. политика «поощрения» ислама меняется на политику «невмешательства» или «игнорирования исла-

ма». Суть ее состояла в том, что российская администрация постепенно отказывалась от активной и открытой поддержки мусульманского духовенства, предоставив ему «пробиваться самостоятельно». Принцип «невмешательства», сформулированный первым генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом и оставшийся основой русской политики в Средней Азии вплоть до революции, исходил из все того же постулата о неспособности ислама к сосуществованию с «прогрессом». «Предоставленный себе», «лишенный внимания государства» ислам постепенно утратит свое значение в жизни исповедующих его людей, – убеждал К.П. Кауфман петербургские власти (Кауфман 1885: 442).

Однако в 70–80-е гг. XIX в., когда слой мусульманской интеллигенции несколько вырос, когда стала насущной необходимостью модернизация всей мусульманской общины, втягиваемой в общероссийские процессы экономического, социального и культурного развития, среди мусульман распространяются либерально-обновленческие настроения. Модернисты, как и их предшественники, выступали за реформирование мусульманского общества, но в отличие от них, не порывали с исламом, а стремились приспособить его к новому времени. К появлению такого ислама, готового к интеграции с западными достижениями, не порывая с религиозной традицией, русские власти оказались не готовы: это не связывалось с представлением о «мусульманской косности» и «фанатизме», и опровергало постулат о том, что ислам, не выдержав конкуренции с «цивилизацией», отомрет естественным путем.

В этих условиях на казахов стали возлагать надежды как на естественных союзников в деле приобщения к «российской гражданственности» других мусульманских народов.

Таким образом, завоевание Средней Азии поставило перед империей сложнейшую проблему удержания под своей властью такой далекой, населенной исключи-

тельно мусульманами, окраины. Наиболее эффективным и фундаментальным решением этой проблемы представлялось приобщение среднеазиатских народов к «цивилизации», под которой понималась русская (= европейская) культура. Впрочем, исходя из тактических соображений («чтобы не раздражить новых подданных») туркестанская администрация действовала крайне осторожно и опасалась посягать на традиционные устои. К тому же, среднеазиатские народы считались «настоящими» мусульманами, «фанатично преданными» исламу.

Мировоззрение казахов представлялось некой *tabula rasa*, которую должны заполнить православно-русские духовные и политические идеи (в отличие от оседлых мусульманских народов, русифицировать которых было значительно сложнее, поскольку их менталитет был вполне сформировавшимся и пришлось бы сначала очищать его от мусульманского содержания). «Киргиз (т. е. казах. – С. Г.), – писал Е. Марков, – ...очень плохой и даже сомнительный мусульманин. Он не пропитан до мозга костей предубеждениями против всего русского, как пропитан по-своему цивилизованный сарт, его муллы не начинили такую фанатическую ненавистью к христианской власти и христианским порядкам. Поэтому все русские меры прививаются среди степных киргизов гораздо удачнее, чем среди горожан-сартов, и внедрить киргиза, этого простодушного потомка скифов, в общее тело русского государства будет несравненно легче, чем заматерелого в магометанстве сарта, прямого наследника бактриян и согдов» (Марков 1901: 173).

В этой связи особо акцентировалась способность казахов «к приобретению всяких знаний и к умственному совершенствованию». «Киргизская народность, – отмечал И.И. Крафт, – обнаруживает живучесть, жизнеспособность и стремление к высшей культуре... Киргизы свободно и умело переходят к земледельческому быту, становясь на один уровень, а иногда и опережая

исконных земледельцев – русских колонизаторов» (Крафт 1900: 107).

В образе казахов приоритетными становятся интеллектуальные способности («смышленость», «понятливость», «любопытность»), стремление к образованию, кажущаяся религиозная индифферентность («отсутствие косного фанатизма»), пози-

тивное отношение к русским («расположенность к России») – черты, которые позволяли большинству представителей власти не только надеяться на сравнительно быструю инкорпорацию степняков в российский социум, но и рассчитывать на их посредничество в процессе вестернизации других народов Средней Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
РГИА – Российский государственный исторический архив
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ЛИТЕРАТУРА

- АВПРИ. Ф. 161. СПб.ГА. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. II.
Броневский С.Б. 1830а. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 41.
Броневский С.Б. 1830б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 42.
Валиханов Ч.Ч. 1985. О мусульманстве в степи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии. Т. 4.
Веселовский Н.И. 1887. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля.
 ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3.
Горбунова С.В. 2008. Государственная регламентация религиозной жизни казахов в Российской империи // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета 1, 35–41.
Григорьев В.В. 1874. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова. Т. 1, 233–261.
Елисеев Е. 1900. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб.: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России К. Евдокимов.
[Кауфман К.П.] 1885. Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб.: Издание военно-ученого кабинета Главного штаба.
Крафт И.И. 1900. Из киргизской старины. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова.
Левшин А.И. 1832. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Часть третья: Этнографические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя.
Марков Е. 1901. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб.: Типография М.М. Стасюлявича. Т. 1.
 Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). 1960. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР. Т. 1.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44 а.
Репина Л.П. 2012. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем 39, 9–19.
 Русско-казахские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 годы): Сб. документов и материалов. 1964. Алма-Ата: Наука.
Спасский Г.И. 1820. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // Сибирский вестник. Ч. 9.
Сухих О.Е. 2007. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск.

REFERENCES

- AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 161. SPb.GA. II-25. Op. 70. 1786–1842. D. 1. Part. II. (In Russian).
Bronevskii S.B. 1830a. Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy. Otechestvennye zapiski. Part. 41. (In Russian).

- Bronevskii S.B.* 1830b. Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy. Otechestvennye zapiski. Part. 42. (In Russian).
- Valikhanov Ch.Ch.* 1985. O musul'manstve v stepi. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. Vol. 4. Alma-Ata. (In Russian).
- Veselovskii N.I.* 1887. V.V. Grigor'ev po ego pis'mam i trudam. 1816–1881. St. Petersburg. (In Russian).
GAOO [State Archive of Orenburg region]. F. 166. Op. 1. D. 3. (In Russian).
- Gorbunova S.V.* 2008. Gosudarstvennaya reglamentatsiya religioznoi zhizni kazakhov v Rossiiskoi imperii. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta 1, 35–41. (In Russian).
- Grigor'ev V.V.* 1874. Russkaya politika v otnoshenii k Srednei Azii. Istoricheskii ocherk. Sbornik gosudarstvennykh znani. Vol. 1. St. Petersburg, 233–261. (In Russian).
- Eliseev E.* 1900. Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoi missii za 1892–1899 gg. St. Petersburg. (In Russian).
- Kaufman K.P.* 1885. Proekt Vsepoddanneishego otcheta general-ad'yutanta K.P. fon - Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroistvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. St. Petersburg. (In Russian).
- Kraft I.I.* 1900. Iz kirgizskoi stariny. Orenburg: Tipo-litografiya F.B. Sachkova. (In Russian).
- Levshin A.I.* 1832. Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisakskikh, ord i stepei. Part. 3: Etnograficheskie izvestiya. St. Petersburg. (In Russian).
- Markov E.* 1901. Rossiya v Srednei Azii. Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblasti, Kaspiiskomu moryu i Volge. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russian).
- Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii). 1960. Vol. 1. Alma-Ata. (In Russian).
- RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 1291. Op. 81. D. 44a. (In Russian).
- Repina L.P.* 2012. "Natsional'nyi kharakter" i "obraz drugogo". Dialog so vremenem, 39, 9–19. (In Russian).
Russko-kazakhskie otnosheniya v XVIII–XIX vv. (1771–1867 gody). Sbornik dokumentov i materialov. 1964. Alma-Ata. (In Russian).
- Spasskii G.I.* 1820. Kirgiz-kaisaki Bol'shoi, Srednei i Maloi Ord. Sibirskii vestnik. Part. 9. (In Russian).
- Sukhikh O.E.* 2007. Obraz kazakha-kochevnika v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: Extended abstract of candidate's thesis. Omsk. (In Russian).

S. V. Gorbunova
Nizhnevartovsk, Russia

KAZAKHS IMAGE EVOLUTION AS A PART OF THE STEPPE REGIONS INTEGRATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article deals with developing of the Kazakhs image under the influence of changing Russian socio-political environment of the XIXth century. Though the Kazakhs area was nominally a part of the Russian Empire, the Kazakhs were still a serious threat for Russian near-border settlements. It drove to the tensed national relations thus promoting an aggressive and hostile image of the Kazakhs. Later mostly due to boundary conflicts having been arranged and attacks upon the Cossacks having been stopped as well as to closer interpersonal relations having been developed, the negative “barbarian” image of the Kazakhs gave way to a new more positive and attractive one of a little naïve and light-minded, but generous, hospitable, curious, kind and softhearted nation. After The Central Asia was conquered, it had to be completely incorporated into the Russian Empire, and the Kazakhs were treated as the main allies in the process. The further image developing exposed such significant Kazakhs traits as intelligence (they were characterized as “sharp-minded”, “clever”, “curious”), striving for education, seeming religion tolerance (“absence of fanaticism”), good-treating the Russians (“Russia favoritism”). All these together held out a hope of the steppe-dwellers easy and quick incorporation into the Russian Empire.

Keywords: Kazakhs, Russian policy towards Kazakhs, border conflicts, “the image of Other”, Islam, Westernization, incorporation of Central Asia into the Russian Empire.

About the author: Svetlana Vitalievna Gorbunova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation Studies and General History

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Горбунова С.В. Эволюция образа казахов в контексте интеграции степного фронта Российской империи // Вестник Нижнеартвовского государственного университета. 2019. № 3. С. 33–39.